

Я проснулась от звонкого, энергичного, но противного голоса: «Вставай. Тебя ждут великие дела». Как будто бы школьный физрук рядом стоит. А если не встанешь, то он к-а-а-а-ак дунет в свисток над самым ухом, и прощай перепонки. Никакого физрука в комнате, конечно же, не было, да и никого другого тоже. Это спортивная совесть выгоняла меня из постели на пробежку. Нехотя подчинилась — последствия вчерашнего праздника живота сами себя не ликвидируют. «Физрук» был доволен, и для мотивации поставил мне на репит пластинку с Плисецкой. Я бежала по набережной Воробьёвых гор, глотая вместо утреннего кофе бодрящий октябрьский воздух. «Пять минут на зубах — всю жизнь на бёдрах, пять минут на зубах — всю жизнь на бёдрах», — подгоняла меня Майя Михайловна.

В парке было уже людно. Бегуны, велосипедисты, мамы с детьми, хипстеры, фрилансеры и гости столицы находились в постоянном броуновском движении. Москвичи радовались ясным дням, бывшим в это время осени большой редкостью, и, как верблюды, напивались солнцем впрок — на долгую зиму. И, кажется, радовались солнцу не только люди, но и птицы. Утки, которым пора греть пёрышки на югах, до сих пор барахтались в городских водоёмах. Нет, этих уток человеческим умом не понять. Да будь я уткой, давно бы махнула на юг, куда-нибудь в

Таиланд. Но если смотреть на это дело с точки зрения этих пернатых, то и в Москве, конечно, неплохо. Кормят их здесь, как домашнюю птицу, предназначенную на убой, но безо всякой убийственной корысти. Вообще, кормление уток — одно из любимых парковых занятий москвичей. Почти такое же, как у римлян — кормление голубей.

Моё внимание привлекли молодая мама с девочкой лет пяти, кормившие уток не привычным батоном, и даже не крупой, а самой настоящей кашей. Когда моя бабушка была жива, она разводила куриц, гусей и уток. От неё-то я и узнала, что водоплавающих птиц нельзя кормить мякишем — он разбухает в желудке и начинает бродить. С тех пор идилические картинки, где люди в парках кормят уток хлебом, не вызывают у меня умиления...

Девочка доставала из пакета тёплую жёлтую пшёнку и раскладывала в пластиковые тарелки, как будто приглашая уток за стол. Отряхнувшись, птицы медленно, вразвалочку шли на угощение, побрякивая от удивления оказанным им торжественным приёмом.

Я добежала до Пушкинского моста, сделала растяжку и повернула обратно. Пробегая там, где ещё недавно был настоящий утиный банкет, я не увидела ни девочки, ни её мамы, ни даже уток. Вдруг сквозь музыку в наушниках раздался залиvistый детский плач. Я остановилась. В зарослях деревьев стояли мама с дочкой и трое мужчин азиатской внешности. Мужчины были одеты в оранжевые жилеты, которые носят работники коммунальных служб. Женщина тянула дочку за руку, пытаясь увести. Девочка захлёбывалась слезами и изо всех сил упиралась. Только сейчас я заметила стоящий в кустах дымящийся мангал. Видимо, приезжие коммунальщики собирались жарить на нём утку.

— Дядя, отпустите уточку, — упрашивал ребёнок. Но «дядя» только говорил: «Уйды, дэвочька».

Утка была ещё жива: они не успели свернуть ей шею, а держали в каком-то мусорном мешке, из которого раздавалось надрывное криканье. Я решила вмешаться, хотя и не понимала, чем могу помочь. Ясно было одно: рабочие хотели есть, денег на нормальный кусок мяса, скорее всего, не хватало, «Доширак» опостылел, вот и решились они изловить несчастную птицу и приготовить её со всеми потрохами.

— Уважаемые, эта утка — достояние парка, — патетически сказала я и мысленно выругала себя: «Алёна, какое достояние, блин? Они ведь даже слово «утка» вряд ли знают. Ты им ещё загни про то, как космические корабли бороздят просторы Большого театра».

Дальше — хуже. Сама не знаю для чего, я произнесла пламенный монолог о том, что дети не должны видеть насилия.

— У вас самих дети есть? Неужели вы убиваете животных у них на глазах? — увещевала я.

Перед моими глазами встала картинка из детства, как по бабушкиному двору бегала обезглавленная Пеструшка. Потом образ безголовой курицы ещё год являлся мне во сне, и я вскакивала на кровати от страха.

В меня вперились три пары глаз, горящих злым нетерпением. Вряд ли понимая смысл моих слов, эти люди понимали главное — у них хотят забрать вкусный обед. Лица гастарбайтеров наливались кровью, как недожаренный бифштекс. Главный делал жесты руками, отгоняющие меня. А потом и такой жест, который дал понять, что русский он знает, хоть на нём и не разговаривает. Я страдала от

коммуникативной неудачи. Неприятное чувство для переводчика, хоть и английского, а не восточных языков. Обычная бытовая ситуация поставила меня в тупик.

— Валы, валы отсюда, — кричали мне оранжевые жилеты. — Эта тваё дэла што ли?

В это время подошли двое полицейских. Утка их не волновала, но волновал установленный мангал.

— Да вы оборзели что ли? Это парк. Убирай давай быстро.

Утка уже не кричала: видимо, задохнулась. Один из стражей порядка решил проверить, что в пакете, и силой вырвал его у гастарбайтера.

— Там утка, — сказала я. — А может и не одна.

Полицейский вытряхнул утку на пожухлую траву, тоже не особо щадя чувства ребёнка. Другой стал проверять документы у всей честной компании. Я села на скамейку и положила утку на колени. Ко мне подсели мама с дочкой. Девочка уже не билась в истерике, а тихо стояла рядом. Слезы катились по её щекам; тонкие розовые пальчики непрестанно теребили складки на юбке. Мы молчали, не зная, что сказать и сделать.

А передо мной снова встала картинка из детства. Я, Анька Сидорова и Люська Кунгурова хороним в глиняной куче загрызенного Барсиком воробышку. Он был совсем маленьким. Синеватое тельце покрывали не перья, а пушок. Барсик добрался по стволу берёзы к скворечнику и зачерпнул птенца своей лапой. Я потом неделю с ним не разговаривала, это с любимым-то котом...

Но вдруг уже оплаканная нами утка встрепенулась и набрала воздуха. Она покрутила шей в разные стороны, как йог, пытающийся прочувствовать каждый позвонок, и убедилась, что всё в порядке. Затем птица посмотрела на наши ошеломленные лица и, мне показалось, кивнула, да так, будто благодарила нас за спасение. Взмах крыльев, и она в реке. В это время полицейские уже выгнали из парка тройцу коммунальщиков. Я даже не заметила, в какую сторону они ушли.

Вроде и утку спасли, и ребёнок остался доволен, но на душе было паршиво. Я побежала домой — пробежка и так затянулась. На всём обратном пути саднило чувство, что забрала еду у голодных. Ведь по большому счёту эти рабочие просто хотели есть, а стонущий желудок громче морали. Искать их, конечно, было бессмысленно. Да и, если честно, страшновато. Ещё чего доброго отметелят до полусмерти. Наверное, думают, что и полицию я позвала. Сведения счётов не хотелось.

Я уже добежала до своего двора, когда заметила на углу дома побирающегося бездомного. Аморфное тело, закутанное в фуфайку цвета потёкшего на жару асфальта, клок чьего-то меха на голове, вывалившиеся из-под него космы грязных седых волос.

Нашупав в кармане толстовки пару сотен, я зашла в кафе, заказала большой стакан чая, бутерброд с сёмгой и шоколадку.

— Мне с собой.

— Хорошо, — и симпатичный менеджер упаковал мне всё в бумажный пакет. — После пробежки всегда ужасно хочется есть, сам знаю, — подмигнула он мне.

— Это точно. Зверский аппетит, — улыбнулась я и вышла.

Бездомный сидел всё в той же позе, может, даже спал.

— Это вам, — тихо сказала я.

Он поднял глаза. Нет, не спал.

— Это вам, — повторила я громче и протянула пакет.

Он смотрел ещё несколько секунд непонимающе, но так и не брал.

— Я поставлю здесь. В пакете чай, бутерброд и шоколадка. До свидания.

Я взбежала на свой этаж. Из окна лестничной площадки были видны угол дома и кафе. Бездомный держал в руках картонный стакан с чаем — грел руки. Я взглянула на беговые часы. Надо же, всего пять километров вместо обычных пятнадцати. А ощущение, будто пробежала марафон. Ладно, завтра наверстаю. Главное встать пораньше... пока никто не кормит уток.

e-mail: liubov.golovina@mail.ru